

Хождение по наукам

Последний опрос молодых ученых [НАН Беларуси](#) показал, что 18 процентов респондентов не планируют оставаться в выбранной сфере. Еще около 40 процентов опрошенных не смогли дать определенного ответа. Какие проблемы отталкивают новое поколение от науки, можно ли их решить в ближайшее время, чтобы сохранить и приумножить интеллектуальный потенциал страны? Об этом говорили участники круглого стола в агентстве «Минск-Новости»

Корр.: Что можно сказать о ситуации с численностью ученых в целом и молодежи в частности? Не ощущается ли кадрового голода?

М.И. Артюхин: С 1997 года в Беларуси серьезных изменений в кадровом научном составе не наблюдаем. Всего около 30 тысяч работников, из них почти

20 тысяч занимаются непосредственно научными исследованиями — это оптимально для нашей страны. Другое дело — нужно сохранить имеющийся кадровый потенциал и привлекать в науку талантливую молодежь. Пока процент молодых ученых довольно высокий — 24 процента по стране и 22 — по НАН Беларуси. Для сравнения: в России этот показатель не превышает 12 процентов.

Но практика показывает: после вузовской отработки и в течение последующих трех лет молодежь массово покидает институты. Если ничего не предпринимать, то может наступить серьезный дисбаланс, когда в науке будут заняты только аспиранты и ученые почтенного возраста, старше 60-65 лет.

О.А. Иванов: 24 и 22 процента молодых ученых от общего числа — совсем неплохо. Но нужно учитывать еще и качественные показатели. Многие ли среди них имеют степени кандидатов, докторов?

М.И. Артюхин: Если говорить о НАН Беларуси, то изменения положительные. Например, если в 2002 году исследователей до 29 лет насчитывалось 14 процентов от общего числа ученых, то сейчас — 22 процента, и число кандидатов наук выросло в полтора раза. Назову данные и по другой возрастной категории, которую тоже можно отнести к научной молодежи, — 30-39 лет. Здесь мы тоже наблюдаем рост: по общей численности исследователей — с 15 до 21 процента, среди кандидатов наук — с 10 до 21 процента. С докторами наук дело обстоит не так оптимистично.

А.А. Лукашанец: Что касается сферы академической науки, которую представляю я, то молодежь у нас востребована. В частности, в [Институте языка и литературы](#)

[имени Якуба Коласа и Янки Купалы](#) около 30 процентов сотрудников до 35 лет. Треть — кандидаты наук. Кроме того, 13 аспирантов-очников. Однако не только в нашей области, но и в целом по Академии наук наблюдается старение кадров высшей квалификации. Боюсь, если ситуация не изменится, то скоро некому будет руководить аспирантами аспирантов. А это уже станет проблемой государственного масштаба. Мы ощущаем потребность в увеличении кадрового состава, резерв есть. Молодое поколение творческое, с нормальными здоровыми амбициями, оно сможет реализоваться при хороших условиях.

О.А. Иванов: Соглашусь со старшими коллегами и также отмечу проблему циркуляции молодых кадров. В последние годы наблюдаю: многие уходят сразу после отработки. Правда, всегда остается невысокий процент тех, кто решил посвятить себя науке при любых обстоятельствах. Они и составляют костяк. На мой взгляд, для того чтобы не было текучести кадров, чтобы количество исследователей росло, нужно учитывать несколько факторов. В первую очередь повысить статус ученого. Информация открыта, через СМИ и личные контакты мы сравниваем свое положение с коллегами за рубежом. И сравнения часто не в нашу пользу. Второе — обеспечить социальную защищенность.

Корр.: Как можно привлечь молодежь в науку? И почему приходится вообще задаваться таким вопросом?

А.А. Лукашанец: Без признания обществом важности научной деятельности изменить ситуацию будет сложно. И, конечно, необходимо решить проблемы материального плана. Молодой человек успешно работает в науке, когда у него есть условия. Я говорю не только о зарплате, это может быть жилье и возможности раскрыть потенциал.

М.И. Артюхин: Вернемся к результатам опроса. Причин, по которым молодежь хочет уйти из науки, несколько. Они, кстати, влияют и на статус ученого. Низкий заработок назвали 33 процента респондентов, 13 процентов не устраивает то, что они не могут вести полноценные исследования из-за недостаточности современной материально-технической базы. Еще 13 считают уровень научных разработок слишком низким. Перед нами — новый молодой ученый, который знает себе цену, имеет свою точку зрения, у него есть альтернативы, и он ими воспользуется. Это и нужно учитывать во всех государственных программах развития научной сферы.

Если говорить о конкретных мерах, то молодежи нужно создать необходимые социальные условия, предоставить жилье, стартовую зарплату, социальные гарантии.

О.А. Иванов: Что касается жилья, лично я не вижу здесь острой проблемы. Если ученый проявляет себя, инициативен, то свои метры он получает довольно быстро. Пусть даже для начала в общежитии. Меня беспокоит, что лабораториям не хватает современного оснащения, это больше касается естественных наук. Сегодня исследования, например биологические, стоят дорого. Частично нам должны были помочь центры коллективного пользования, рассчитанные сразу на несколько институтов, где локально собирается дорогостоящее оборудование. Но пока они чаще работают только на бумаге. Серьезное препятствие — бюрократия. Нам нужно составлять список приборов и реактивов на весь год. Во-первых, сложно сказать, какие именно материалы будут нужны через 10-12 месяцев. Во-

вторых, от момента заказа до их получения проходит порой 2-3 месяца, а работа стоит. Мы не очень богатая страна, но иногда покупаем оборудование на 50-60 процентов дороже, чем европейские коллеги. Все потому, что в Беларуси нет официальных представителей компаний-производителей, а посредники продают с большой наценкой. В этом направлении тоже нужно работать.

Корр.: Основные проблемы понятны. Есть ли конкретные предложения по их решению? На что может рассчитывать молодежь?

С. В. Помозов: Считаю, что самый насущный — вопрос жилья. Общежитие — временный вариант и не очень подходит для семейных пар. В Академии наук предпринимают меры, чтобы обеспечить молодежь жильем, составлен список нуждающихся. Если ученый перспективный, проявляет инициативу, хорошо работает, то ему всегда пойдут навстречу. Если говорить об аграрном секторе, то там своя специфика. Отделения находятся не только в Минске, но и в регионах, где квартиры или дома выделяют гораздо быстрее.

Е.В. Осипова: Порой и общежитие — хорошее подспорье. В Совет молодых ученых НАН Беларуси часто обращаются с просьбами о заселении, многие получают места.

М.И. Артюхин: У ученого должен быть достаточный доход, чтобы он мог полноценно отдыхать, поднимать детей, ездить на зарубежные конференции. Средняя зарплата молодого исследователя со всевозможными доплатами не превышает 4 миллионов рублей. Если он себя проявил и квалифицирован, то у него будут дополнительные возможности заработать, например участвовать в проектах по хоздоговорам, конкурсах фондов фундаментальных исследований. Кроме того, предусмотрены стипендии для талантливых и перспективных аспирантов, поощрения, премии... Нельзя сказать, что научная молодежь забыта. Но это единичные показатели, для лучших из лучших. Число охваченных этой государственной помощью небольшое — примерно 5 процентов от общей численности научной молодежи. Думаю, назрела необходимость в серьезной госпрограмме на этот счет, чтобы заботой государства охватить большее число молодых исследователей. Для ученых, которые действительно вносят существенный вклад в развитие науки, на строительство жилья должны быть и соответствующие льготы. Другое дело, что поддержка не может быть вечной.

О.А. Иванов: Не могу не затронуть тему коммерциализации научных разработок. Исследователь выступает сейчас в роли и маркетолога, и бизнесмена. Идея хорошая, но не все проекты можно воплотить в жизнь быстро, есть такие сферы, где не на один год работы. В погоне за быстрой выгодой часто хромает качество конечного продукта. От понижения планки исследований у молодежи пропадает желание углубляться в науку. Справедливее было бы выделять стратегические, долгосрочные задачи и конкретизировать области исследований, которые можно реализовать быстрее.

А.А. Лукашанец: Нужно смелее привлекать новое поколение к научно-организационной деятельности, к руководству коллективами, проектами, управлению. Молодежь более мобильна, быстро ориентируется в современных направлениях и приоритетах. Так она почувствует себя более востребованной.

М.И. Артюхин: Безусловно, реализовать себя как лидеров крайне важно. У нас имеются такие возможности. Работают Совет молодых ученых Академии наук, страны и Белорусский республиканский союз молодежи. Но есть так называемая тупиковая карьера, когда человеку очевидно, что желаемая позиция, например руководителя отдела, занята надолго, потому что на ней кто-то плотно обосновался.

У науки нет возраста, талант, гений с годами не теряет способности работать, пусть даже его труды уже менее эффективны. В Беларуси процесс омоложения руководящего состава научных организаций идет не очень активно. В других странах ротация более интенсивная. Когда-то в СССР в планах был заложен процент ежегодного обновления кадрового состава науки. Сегодня такого нет, и молодые ученые не уверены в том, что даже при плодотворной работе они смогут подняться по карьерной лестнице. Нет перспективы роста — нет мотивации.

Корр.: На молодежных инновационных форумах и конференциях исследователи представляют десятки смелых проектов — от фантастических летающих аппаратов до лекарства, блокирующего ВИЧ. Востребованы ли их разработки? Если ученый изобрел нечто интересное, куда ему идти, чтобы его идея нашла практическое применение?

М.И. Артюхин: Обратиться в Государственный комитет по науке и технологиям и представить свой инновационный проект, оформленный согласно его требованиям. Или, например, принять участие в конкурсе фонда фундаментальных наук на финансирование исследований молодых ученых.

О.А. Иванов: Как я уже говорил, современный ученый должен быть еще и маркетологом. Хорошая реклама своей идеи поможет найти возможности для ее реализации. В конечном итоге все сводится к желанию и целеустремленности разработчика.

Корр.: Что скажете о взаимодействии науки и бизнеса? За границей ученых часто поддерживают частные инвесторы, финансируют те или иные исследования. Развивается ли у нас такой подход?

М.И. Артюхин: Практически нет. У нас он пока только зарождается, и государство предпринимает шаги, чтобы ускорить эту связь. Но говорить о подобном финансировании как о панацее в нашей стране пока не стоит. Другое дело, что частные структуры могли бы выступать в качестве меценатов, помогать молодым ученым на безвозмездной основе, проявлять гражданскую инициативу. В России, например, есть специальные благотворительные фонды. Талант требует особой поддержки.

Корр.: Несмотря на все проблемы, среди молодых ученых есть конкуренция...

О.А. Иванов: В Академии наук есть мощные школы в таких областях, как оптическая физика и отдельные направления биологии. Там много талантливых амбициозных людей, и они в какой-то степени конкурируют друг с другом.

Корр.: Есть ли критерии, по которым можно определить уровень ученого, его профессионализм?

М.И. Артюхин: Если коротко, прежде всего оценивается его способность делать открытия и на их основе обеспечивать экономику новыми технологиями. Об уровне свидетельствуют ученые степени, а также публикации в наиболее престижных научных журналах.

Мнение

Михаил Павлович Костюк, академик, доктор исторических наук, профессор:

— У меня довольно богатый опыт работы с молодежью. Под моим руководством стали кандидатами наук более 20 исследователей, 5 — докторами наук. На каждом научном руководителе лежит большая ответственность. Он должен обладать научным предвидением в отношении исследуемой темы и ее конечных результатов, стремиться к тому, чтобы его смена была достойно подготовленной.

Очень важно, какими качествами обладает аспирант. Тем, кто решил посвятить себя научно-исследовательской работе или только задумывается об этом, хочу дать совет: начинайте готовить себя как можно раньше, если есть возможность, уже с первых курсов университета.

Определиться с профессиональной направленностью сейчас помогает магистратура, через нее проходит отбор. Молодой человек, выбирая научно-исследовательскую работу, сдает два кандидатских экзамена, пишет и защищает магистерскую диссертацию и делает для себя выводы, идти ли по этой дороге дальше. Думаю, это очень правильная система, но она еще нуждается в доработке.

Хотелось бы видеть у молодежи увлеченность профессией, когда самый важный стимул — возможность стать первопроходцем в своей теме, открыть что-то новое.

Ирина Стех-Санкевич, «МК»